

ЧИТАЕМ ВМЕСТЕ

Хотите верить, хотите нет

Я не верю никакому аргументу и хочу развеять все сомнения: Райхельгауз — это я по документу, а по факту — Станиславский от рождения.

В Москве последнее время появилось страшное количество корбейников: чуть ли не каждый второй пытается что-то продать. Они ходят по конторам и офисам, втюхивая простодушным людям шампуни, всевозможные билеты, носки и даже долговечные ласты. Не избежали и мы участи быть отоваренными прямо по месту работы. В один из пасмурных дней ноября в нашей редакции появились два книгоноши и предложили купить у них двухтомник Шекспира. Их даже не смутили стеллажи с тысячами книг, в том числе и английский классик в разных изданиях. Я просто развел руками и стал в ответ навязывать им своего Шекспира бесплатно: нам действительно некуда деваться от книг.

— Тогда купите Райхельгауза! Всего за 170 рублей, — и показали мне маленькую книжечку с изображением пьяного мужика на обложке, под названием "Не верю". Тут я и сам не поверил: — Такую маленькую и за 170 рублей?!

— Да, но зато это модный режиссер. У нас есть и большая, но Станиславского и всего за 70 рублей.

— К сожалению, Станиславского у меня тоже навалом.

— Тогда возьмите Райхельгауза, — настаивали книгоноши, — ведь у вас его точно нет.

Эта сногшибательная логика окончательно сразила меня. Пришлось выдать торговцам две новенькие сторублевки и получить взамен три замусоленных червонца и изящную книжечку модного режиссера. "Чудны дела Твои, Господи! — подумал я, — Станиславский и Райхельгауз — в них так много общего: оба они создатели "школы", большие любители чаек, оба никому не верят, а стоят по-разному. Какая жуткая дискриминация в цене. При всех сходствах наших режиссеров у них все-таки есть и различия: Станиславский — столичная штука — не любил провинциальное, Райхельгауз-провинциал — не любит "Столичную".

Его книга похожа на миниатюрную шкатулку, куда с любовью сложены драгоценные вещицы. Конечно, не обошлось без помощи женщин, на которых Райхельгаузу удивительно везет. Алла Максимова подбирала материалы, Ира Тростникова все это редактировала, дочка — Маша Хазова — художественно оформляла, а жена — Марина Хазова — просто верила и не ошиблась: книга увлекает трогательными историями, в ней есть все — ум, ирония, юмор, а лирические рассказы просто являются фактом литературы. Драматический эпизод о том, как чиновники из Управления культуры г. Москвы обманым путем лишили Иосифа прописки и работы, вызывает искреннее желание пойти и набить им морду, несмотря на то, что эти события происходили лет 25 назад. Поражаешься упорству режиссера в борьбе за чистоту атмосферы в своем театре, где воздух стал уже настолько стерильным, что так и хочется взять и накурить.

Но вот к исходу второго часа пополночи на пронзительных строчках:

— "Недавно день казался годом, а ныне год прошел, как день", — в дверь неожиданно раздался звонок. На пороге редакции стоял участковый Петренко:

— Иду мимо, вижу: свет у вас горит. Дай, думаю, проверю: вдруг грабители. Что-то вы засиделись сегодня. Небось жена заждалась.

— Да, Дима, ты прав: жена заждалась, а я вот с Райхельгаузом весь день провел.

— Это что, агрегат какой-то? Типа керогаза?

— Нет. Это не керогаз и не примус, и даже не чайник, — в чем я и постарался убедить нашего участкового, пересказав ему некоторые эпизоды этой обалденной книги. И он поверил. А вы?

Андрей НЕДЗВЕЦКИЙ
Художник Валерий ЧУРИК

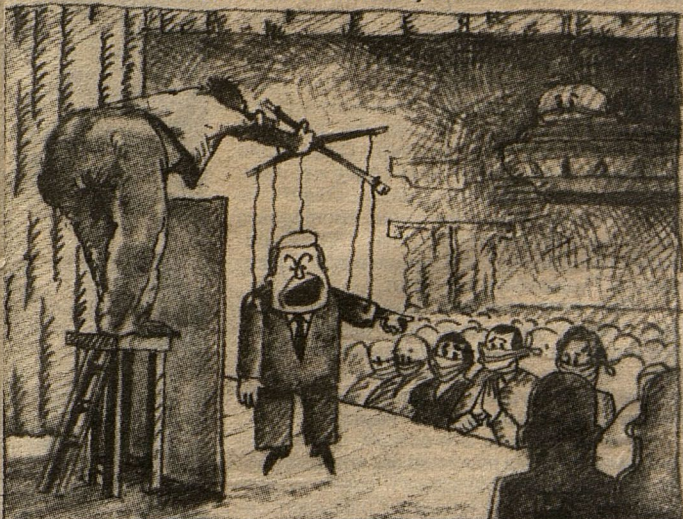
1. В начале творческого пути Райхельгауз жил в общежитии театра "Современник" и вынужден был сдавать бутылки.

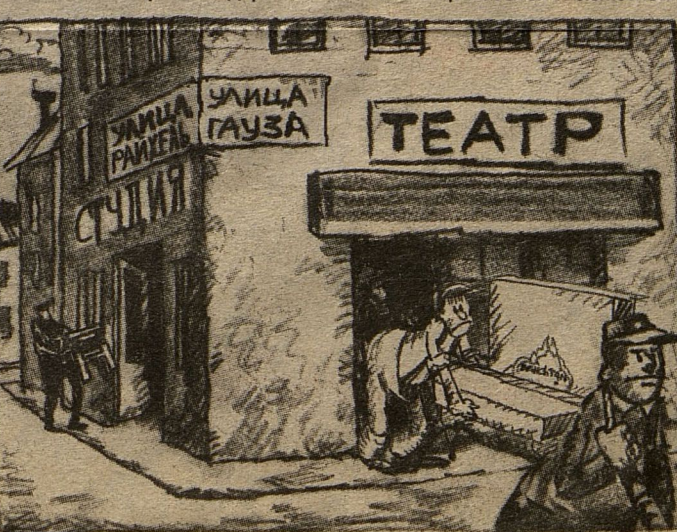
2. Наконец при помощи Киллермана Иосифу удалось получить огромный гонорар, и он первый раз отправился в баню, где по неопытности так оскандалился, что еле ноги унес.

3. Вскоре благодаря неожиданному знакомству с председателем правительства Егором Гайдаром жизнь стала еще веселее и сюжетней.

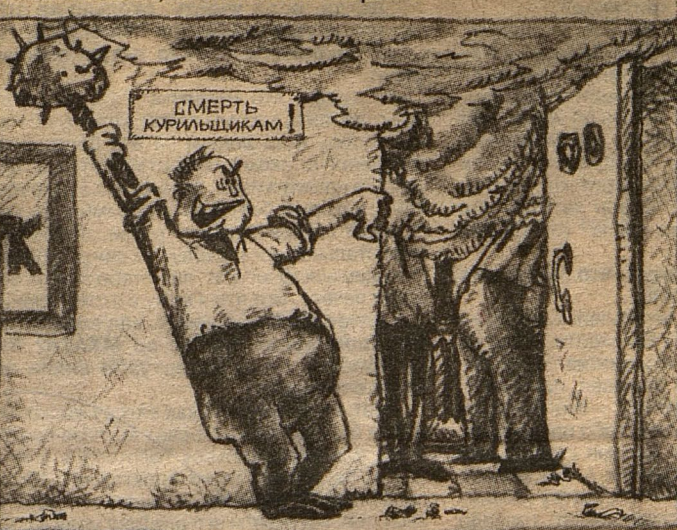
4. И вот уже посыпались выгодные госзаказы: Райхельгаузу даже предложили срежиссировать выступление Ельцина перед депутатами.

5. Но все же главное — это Мельпомена. Став художественным руководителем, Иосиф понял один из основополагающих театральных законов: "Пока в театр хоть что-то несут, он остается студией, а когда из него выносят, он становится Театром".

6. "Когда твою пьесу ставит Иосиф Райхельгауз, чувствуешь себя немножко Чеховым", — говорит Б.Акунин. Кем же себя должен чувствовать Райхельгауз, когда ставит пьесу Акунина? Наверняка, наполюину Станиславским.

7. Режиссер — это сила и власть в одной руке.

8. Вот сижу я перед вами, простой русский режиссер, и не верю глазам своим.

В предыдущем номере была представлена книга Льва Дурова "Грешные записки". Новая рубрика вызвала интерес у читателей, которые предложили к совместному прочтению

книжки Олега Табакова, Юрия Соломина, Валерия Золотухина и даже "Уходящую натуру" Анатолия Смелянского. Будем выбирать.